

ПЛАТЕЖНАЯ КНИГА ДЕРЕВСКОЙ ПЯТИНЫ 1543 г.
К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СИСТЕМЫ СБОРА
«ГОСУДАРЕВЫХ» ПОДАТЕЙ В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ В XVI СТОЛЕТИИ

Изучение социально-экономического развития различных территорий, входивших в конце XV — середине XVI в. в состав Русского государства, сталкивается с проблемой отрывочности сохранившихся источников. Писцовые книги, выступающие в качестве основного источника такого рода, в большинстве случаев известны лишь по отдельным упоминаниям. Исключением в этом ряду является Новгородская земля, представленная сразу несколькими комплексами писцовых описаний разного времени, что позволяет отследить динамику происходивших здесь процессов.

Новгородским писцовым книгам в историографии уделялось значительное внимание. Выявлены и опубликованы к настоящему времени основные массивы писцовых книг конца XV — середины XVI в. Меньше интереса вызывали дошедшие до нашего времени платежные книги. Со времени публикации (в отрывках) некоторых из них, выполненной еще Д. Я. Самоквасовым, можно выделить только не слишком объемное исследование Г. А. Победимовой о платежной книге Деревской пятины 1558 г. [Победимова]¹. Платежные книги дают представление о действовавших механизмах сбора государевых податей — с учетом корректировок, производимых во время писцовых описаний. Особое значение в этой связи имеют сделанные в них пометы, отражающие работу делопроизводственного аппарата. Больше всего помет сохранилось в платежной книге Деревской пятины 1543 г. До недавнего времени этот источник, впервые введенный в научный оборот Л. А. Бассальго, был неизвестен историкам. Его публикация была осуществлена, с датировкой 1542/1543 г., в рамках издания «Писцовые книги Новгородской земли»². Позднее датировка была сужена до сентября-декабря 1543 г. с учетом дат в тексте [Фролов, 2007, с. 76]. Анализ этой платежной книги позволяет восстановить процедуру сбора податей, определить круг плательщиков, а также проследить меры, предпринимаемые новгородской администрацией по упорядочиванию платежей.

Платежные книги начали создаваться уже сразу после окончания валового писцового описания Новгородской земли конца XV — первых лет XVI в. Сохранившийся в составе документации новгородской приказной избы 1555—1556 г. наказ о порядке взимания сборов показывает, что различные по своему содержанию подати собирались по одним и тем же платежным книгам. С них при взимании экстраординарных налогов, возможно, делались специальные копийные списки. Такая практика была отражена, в частности, в разрядном и сметном списке сбора ратных людей и пороха (ямчужных денег) в 1545 г., который не только хронологически примыкает к платежнице 1543 г., но и близок к ней по характеру и содержанию сделанных в нем делопроизводственных помет³.

Основная тяжесть сбора по платежной книге 1543 г. приходилась на «примет», в сравнении с которым другие взимаемые суммы сбора — за хлеб и оброк — были незначительными⁴. В исторической литературе не сложилось однозначного понимания сущности «примета».

¹ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1909. Т. 2. Ч. 2. С. 346—387. Г. А. Победимова опубликовала данные этой платежницы в табличной форме — с сопутствующими цитатами из текста источника (Победимова Г. А. Платежница Деревской пятины 1558 г. // Материалы по истории крестьянского хозяйства и повинностей XVI—XVII вв. М.; Л., 1977. Вып. 1. С. 5-88).

² Писцовые книги Новгородской земли (далее — ПКНЗ). М., 2004. Т. 4. С. 343—500.

³ ДАЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 205. С. 184—195.

⁴ Одновременно в платежнице был отражен сбор «корма» волостелем Г. А. Неплюевым (ПКНЗ. Т. 4. С. 470).

С. М. Каштанов считал, что этим термином обозначалась повинность, близкая по характеру к городскому делу — строительству «приметов», осадных сооружений перед городскими стенами [Каштанов, с. 293]. Сбор за городское дело с Каргопольского и Турчасовского уездов, а позднее и с земель Водской пятины, взимался одновременно с «приметом». Скорее, в данном случае имело место обыкновенное созвучие, а «приметом» обозначался дополнительный экстраординарный сбор (от глагола «приметать» ‘добавлять’) [Абрамович, с. 65–70].

В актовом материале, относящемся к XV в., «примет» не встречается. Наибольшее распространение упоминание «примета» имеет в актах Дмитровского княжества, где в жалованных грамотах, в том числе отдельным лицам, содержится освобождение от его уплаты⁵. Характерно, что в ряде случаев «примет» и «ям» в дмитровских грамотах фигурируют рядом. На великокняжеской территории «примет» встречается в жалованных грамотах Каширскому Белопесоцкому монастырю. В 1536 г. этот сбор называется в жалованной грамоте Симонову монастырю⁶. Вплоть до конца 1540-х годов «примет», однако, появляется в актах лишь эпизодически.

Это не означает отсутствие «примета» как вида сбора, свидетельствуя, скорее, о нерегулярности его взимания и незначительности его сумм. В отличие от великокняжеской дани, сумма «примета» определялась по великокняжеским указам, что подтверждает первоначально ненормированный характер этого сбора⁷.

В Новгородской земле «примет» впервые употребляется в приписке к платежной книге Бежецкой пятины рубежа XV–XVI в. Характер приписок позволяет предположить, что они были сделаны не позднее 1514 г. В одной из них упоминается, в частности, факт передачи в кормление огромной волости Кушевера Андрею Кольчеву⁸. В указанное время действовало 2 лица с этим именем — Андрей Андреевич и Андрей Семенович Кольчевы. Первый из них после 1501 г. перестает упоминаться в источниках, второй — попал в литовский плен в сражении под Оршей.

Отрывок писцового описания Водской пятины конца 30-х годов XVI в. упоминает «примет» в 13 случаях — отмечая обязанность помещиков платить добавочные деньги «сверх обежные дани и ямских денег и примету». Все эти случаи, однако, были расположены в отрывке текста, относящемся к Дудоровскому погосту, и отсутствуют в других частях этого источника. В более поздней платежной Водской пятины сохранился сокращенный пересказ оброчной грамоты новгородских дьяков Я. Шишкина и Фуника Курцева 7045 г. на озера в той же пятине, где встречается упоминание оброка за «примет»⁹.

Платежная 1543 г. представляет собой, по сути, первый пример массового взимания «примета». Анализ этого источника показывает, что эта практика еще не сложилась в указанное время в полноценном виде. Особенности этого источника наиболее отчетливо проявляются при ее сопоставлении с отрывком более поздней платежной Деревской пятины 1558 г.¹⁰

⁵ Акты Русского государства 1505–1526 гг. (далее — АРГ). М., 1975. № 107. С. 108, № 133. С. 130, № 187–188. С. 184, 185, № 228. С. 230, № 272. С. 275; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века (далее — АСЗ). М., 2002. Т. 3. № 439. С. 363.

⁶ АРГ. № 207. С. 210 (после ямских денег). Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.). М., 1983. № 51. С. 55.

⁷ Близкие к «примету» ямские деньги упоминались в жалованной грамоте Вассиановой Строкиной пустыни 1547 г. Разница между данью и ямскими деньгами была обозначена здесь краткой формулой: «дань по книгам по старине по розчету, а ямские деньги по указу» (Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1. № 147. С. 212–213).

⁸ ПКНЗ. М., 1999. Т. 1. С. 224.

⁹ Писцовая книга Вотской пятины 1539 года. Новгород, 1917. С. 286, 289, 292, 294, 296 и далее; Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Т. 2. Ч. 2. С. 386.

¹⁰ Благодарим К. В. Баранова за возможность использовать этот источник, подготавливаемый им для печати.

И в том, и в другом случае имело место использование комплекса предшествующих делопроизводственных документов. Г. А. Победимова отмечала, что платежница 1558 г. использовала ряд документов: собственно писцовые книги, отписные книги, отдельные грамоты, сказки выборных старост [Победимова, с. 215—217]. В наибольшей степени основой для этого источника были писцовые книги конца 30-х — начала 40-х годов XVI в., так что отраженная в нем ситуация несколько расходится с действительностью. К 1558 г. умерли С. М. Стогов (1551), В. А. Телехтемиров (1540), П. В. Бурдуков (1544), Шарап Ф. Чеглоков (1545), Ушак И. Заболоцкий (1549), Т. И. Заболоцкий (1549), И. П. Мещерский (1550), Т. М. Измайлов (1547), Ф. Я. Баскаков (к 1550), И. И. Зиновьев (1546), И. С. Огибалов (1547), Поздык Косаговский (1551), своеземцы М. Г. Васильев (1550) и Г. Я. Фомин (1547). Данные о владельцах поместий, видимо, не имели первостепенного значения — в отличие от их экономического состояния. Составители этой платежницы каждый раз приводили данные о «живущем», подкрепляемые обыском выборного головы И. А. Ивкова и нескольких выборных старост по погостам. В тексте содержатся неоднократные ссылки на платежницы 7063 и 7065 г. и льготные грамоты.

Платежница 1543 г. — сложный источник, и необходимым этапом работы с его материалами является источниковедческий анализ. Подробному изложению полученных результатов планируется посвятить отдельную статью. Здесь приводятся лишь ключевые моменты, без которых рассмотрение конкретной исследовательской темы невозможно.

Рукопись сохранилась в составе фонда 1209 РГАДА (Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент), опись 3 (Петербургская вотчинная контора), книга 17149. Как и многие другие дела из этой описи, рукопись представляет документацию Новгородской приказной избы, хранившуюся до 1738 г. в Новгороде. Писана на листах «в четверку», вероятно, на остатках нескольких партий бумаги: на 276 листов книги приходится 8 различных видов филиграней, датируемых 1530—1540-ми годами. По симметрии филиграней и другим признакам выделено 36 тетрадей (32 — 8-листных, 2 — 4-листных, 1 — 6-листная и 1 с неустановленной формулой (три листа без филиграней), а также три отдельных листа, представляющих остатки двух или трех тетрадей). Размер утрат в рукописи оценивается по нарушениям связности текста, асимметрии листовых формул в тетрадах и нумерации тетрадей, проставленной при изготовлении книги. Начало рукописи сохранилось, но последние тетради, со сведениями о части земель Холмского погоста, отсутствуют. Полностью утрачена тетрадь 7 с окончанием Городенского и началом Короцкого погостов, несколько листов с описанием Семеновского в Удрицах, Налесского и началом Яжелбицкого погостов, одна или более тетрадей с началом описания Локотского погоста, одна или более тетрадей с частью описания Шегринского погоста, окончание описания Оксочского погоста, описания Кременичского и Усть-Воломского погостов, начало Ручьевского — в одной или более тетрадей. Из сохранившихся первые и последние тетради пострадали больше всего — их листы в ходе реставрации XX в. были наклеены на кальку, некоторые края выкрошились или были обрезаны.

Структура документа образована двумя базовыми элементами. 1) «титальный» владелец (не обязательно владевший землей на момент составления книги), иногда его предшественник(и), оклад в сохах, наличие у него владений в других погостах; 2) сведения о внесенных примете и других сборах (в основном — за хлеб и за оброк), имя уплатившего. Эти два элемента структуры принципиально отличаются друг от друга по способу внесения в рукопись. Первый составлял шаблон документа, подготовленный заранее: записи делались аккуратным мелким почерком, принадлежащим трем-четырем подьячим, каждая запись отделялась от следующей значительным интервалом. На отведенное таким образом свободное место вписывались сведения, относящиеся

ко второму элементу структуры. Они продолжали текст шаблона в том же абзаце, даже если в конце строки помещалось всего несколько букв первого слова (например, «при» — начало слова «примет»). В целом они делались также небольшим числом рук (включая и тех подъячих, что готовили шаблон), однако весьма небрежно: буквы часто неровные и почти всегда сравнительно крупные, строки нередко «пляшут», ширина строки обычно на несколько миллиметров выходит за линию, заданную записями шаблона.

Почти всегда разделить абзац на две части не составляет труда. Обозначим условно сведения, относящиеся к первому элементу структуры, текстом окладчика, а ко второму — приметчика. Если один окладчик заполнял обычно несколько десятков страниц шаблона, то руки приметчиков могут меняться от абзаца к абзацу на одной странице. Очевидно, что это происходило в непосредственной связи с внесением платежей и отражает действие реальных механизмов функционирования этой системы.

Главным недостатком публикации платежной книги является то, что в ней никак не отражен переход внутри каждого абзаца от текста окладчика к тексту приметчика. Однако распределение текста между этими двумя актерами не универсально, а потому является ценнейшим источником, который позволяет судить о происхождении конкретной информации, включенной в книгу¹¹.

Сведения о льготах встречаются в обоих элементах структуры. Иногда они были известны составителям шаблона заранее. В этом случае сведения о льготе характеризовали размер сошного оклада, с которого надлежит получить сборы. Но чаще льготные грамоты писцов предъявляли сами плательщики, и в таком случае это служило обоснованием несоответствия внесенных платежей записанному в шаблоне окладу.

Текст шаблона рукописи закончен не ранее августа 1543 г.: окладчиком была сделана запись о привозе дьякам великокняжеской грамоты с такой датой¹². Платежница 1543 г. опиралась на источники, значительно отстоящие во времени от создания ее шаблона. Издателем был отмечен широкий круг используемых ею сведений — 7004–7047 гг. Эта платежница не только использовала предшествующие ей писцовые описания, но и прямо включала в себя хронологически разные пласты. Значительная часть такого рода примеров, имеющих множественный характер и разбросанных по всему тексту источника, относится к первому десятилетию XVI в.

Наиболее отчетливо отмеченная тенденция проявляется при анализе имен помещиков. Писцовые книги конца 1530-х — начала 1540-х годов по Деревской пятине показывают, что часть известных платежнице лиц к 1543 г. уже потеряли по тем или иным причинам свои поместья, а их земли перешли в другие руки.

Наглядно архаичность сведений платежной книги проявляется при сопоставлении со списками пленников, попавших в литовский плен в ходе кампании 1512–1522 г., а также с перечнем лиц, погибших на Свияге в 1524 г. Не вернулся из свияжского похода Злоба Наумов¹³. Литовскими пленниками «великой битвы русской» — сражения под Оршей 1514 г. — стали более десятка лиц, упомянутых в платежнице в качестве живущих помещиков (Т. М. Мусин-Пушкин, И. Пупок и В. С. Колычевы, Ф. В. Обьедов, М. Я. Хорхорин-Кутузов, Ф. Ф. Соловцов, П. П. Розладин, Ф. Я. Арбузов, А. В. Аничков, А. А. Хрипунов, Г. И. Угрим Сьянов, А. В. Ярышкин, И. И. Стромиллов, М. В. Зевалов, Я. З. Симонов, Залез И. Черного Кайсаров, К. И. Офросимов) [Бенцианов, Лобин, с. 167]¹⁴. Позднее к ним добавилась группа

¹¹ Чаще всего в публикации место перехода совпадает с положением двоеточия, которое разделяет первую и вторую части абзаца. Однако публикатор, расставляя пунктуацию, стремился к археографической унификации, а не к передаче особенностей смены почерка. Поэтому двоеточие маркирует переход от руки окладчика к руке приметчика далеко не всегда.

¹² ПКНЗ. Т. 4. С. 490.

¹³ Антонов А. В. Памятники истории русского служилого сословия конца XIV — конца XVII вв. М., 2011. С. 176.

¹⁴ К. И. Офросимов позднее, очевидно, вернулся на родину из литовского плена.

«поиманы з замков вкраинных», а также дети боярские, попавшие в плен под Великими Луками и Опочкой. Среди них также были лица, известные платежнице (И. П. Дворянинцов, Б. Г. Усов, К. М. Суморок Ногин, М. В. Дрозд Рукавов, К. А. Хрипунов)¹⁵.

Можно попытаться уточнить и нижнюю дату создания исходного источника. Очевидна хронологическая близость реликтовых сведений платежницы писцовой книге 1499 г. В обоих документах совпадает значительное число имен, хотя зачастую они выступали в них в разных качествах. В некоторых случаях поместья продолжали принадлежать вдовам детей боярских, еще не успев перейти в руки наследников. Среди них была, например, Мария Юрьева жена Вышеславцева и ее сын Осташ¹⁶.

Видно, что платежница относится к несколько более позднему времени. Неразделенное поместье князей Шаховских в волости Лопатицы распалось на части. Из поместья Ульяны Мусиной, которым она владела вместе с детьми в 1490-е годы, — 46 обож — ей и ее младшему сыну Никифору Истоме принадлежало 15 обож. Остальная часть поместья перешла к ее старшим сыновьям¹⁷. Часть земель князя В. Д. Холмского также досталась новым помещикам. Он не был известен книге 1499 г. и получил внушительное поместье в Деревской пятине, видимо, по случаю женитьбы на Феодосии, дочери Ивана III, только в 1500 г.¹⁸

Можно предположить, что составление этого источника произошло уже после 1502 г. В ходе русско-ливонской войны погибли князь А. В. Оболенский, новгородский наместник И. А. Лобан Колычев, а также братья князя Ф. и А. Большой Александровы Кропоткины. Все они в тексте платежницы упомянуты в качестве предшественников владельцев поместий. В 1503 г. поместье в Деревской пятине было пожаловано С. И. Стромилу¹⁹. То есть источник, послуживший основой для шаблона книги 1543 г., был составлен в интервале между 1503 и 1514 г. При отсутствии данных о проведении в это время масштабного писцового описания можно предположить, что таким источником послужила более ранняя платежная книга Деревской пятины — подобная тем, что в 1499–1500 г. были созданы для Бежецкой и Шелонской пятин.

Позднее этот источник неоднократно пополнялся новыми сведениями. Сохранились упоминания о раздачах — в волости Крупая в 7012 (1503/1504) г. и в Жабенской волости в 7026 (1517/1518) г.²⁰, не говоря уже о целом ряде сообщений, относящихся к 30–40-м годам XVI в.

Использование источника, столь значительно расходящегося с реалиями 1540-х годов, свидетельствует об экономической стабильности земель Деревской пятины, с одной стороны, и косвенно подтверждает предположение о редкости практики взимания экстраординарных сборов в указанный период — с другой. В самом этом документе отсутствуют упоминания о предшественниках ей платежных книгах.

Очевидно, что изменения в составе и размерах поместий должны были к этому времени быть достаточно заметными. Тем не менее возможности составителей шаблона в привлечении данных «нового» письма конца 1530-х годов, которое коснулось только поместных земель, были значительно ограничены. Точнее сказать, составленные на основе этого письма в начале 1540-х годов книги стали доступны лишь в самом конце работы с платежницей (от чего в шаблоне и не

---

¹⁵ Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 160, 161, 163, 172.

¹⁶ Новгородские писцовые книги (далее — НПК). СПб., 1862. Т. 2. Стб. 669; ПКНЗ. Т. 4. С. 485.

¹⁷ НПК. СПб., 1859. Т. 1. Стб. 836—842; ПКНЗ. Т. 4. С. 429.

¹⁸ Баранов К. В. Новгородская «ободная» грамота 1511/12 года // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 4. С. 10—12.

¹⁹ В Типографской летописи в описании среди убитых фигурирует князь Ф. Кропоткин (Кропотич), а в Воскресенской — А. А. Большой Кропоткин. Вероятно, в ливонском походе погибли оба брата (ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 241, 242; Пг., 1921. Т. 24. С. 215; АСЗ. М., 1997. Т. 1. № 271. С. 246).

²⁰ ПКНЗ. Т. 4. С. 387, 405.

были учтены полученные помещиками «придачи» и новые роспаши). Об этом свидетельствуют кодикологические наблюдения над упоминанием в ней писцовых книг как источника данных. Для владений своеземцев окладчик называет в этом качестве «подлинные книги»²¹, «новые книги»²², «Яковлевы книги Идолова»²³ (по другим источникам датируются 1524/25–1526/27 гг.), «Григорьево письмо Борисово» (около 1518/19 г.)²⁴, для монастырских земель — «подлинные книги» (вероятно, ранее 1517/18 г.)²⁵, для земель великого князя «Семеновы книги Дятлова»²⁶ (1503/04 г.) [Фролов, 2006] и отдельно для его пожен — «Иваново письмо Ефимова»²⁷.

Для поместных же земель, которые занимали львиную долю всей территории Деревской пятины, некие «писцовые книги» упомянуты только один раз²⁸, причем здесь более вероятно, что речь идет о книге 1499 г. Лишь однажды окладчик прямо цитирует «новые книги писма Жихоря Рябчикова с товарищи»²⁹, однако именно этот текст втиснут в уже готовый шаблон, что хорошо видно по большей (на 20–25 мм) ширине соответствующих строк и значительно более мелкому почерку. При этом текст примечика из предыдущего абзаца перекрывает одну из букв этой вставки, значит, необходимость дополнить шаблон выписью из книги Ж. Рябчикова возникла еще до внесения записи примечика в абзац выше, то есть непосредственно в процессе работы с книгой. Однажды, впрочем, приведены данные о размере оброка «по подлинным перечнем»³⁰, что и объясняет невозможность использовать «новые» книги начала 1540-х годов: они существовали вплоть до конца 1543 г. только в предварительной редакции — «перечне», — не получившей силы официального документа [Фролов, 2015, с. 11–20]³¹.

При этом, как уже отмечалось, окладчик имел в своем распоряжении льготные грамоты, выданные писцами в связи с кампанией конца 1530-х годов. Приведенные в этих грамотах сроки в 8 случаях были сокращены вдвое — со ссылкой на указ великого князя. Но в большинстве случаев сведения о льготах, предоставленных писцами 1530-х годов, вносились уже примечиком. У него появилась возможность проверять предъявляемые плательщиками документы по новым писцовым книгам поместных земель: отсутствие данных о льготе в них служило основанием дособрать платежи. Так, уже рядом с одной из помет «взято» появилась новая: «Доняти с пол-3 об[жы] со лготных, потому что их в новых книгах не[т]»³². В другом случае после указания имени плательщика примечик добавил: «а донято потому, что в книгах лготы нет»³³. В третьем после имени плательщика появилась несколько витиеватая фраза, фиксирующая тот же процесс проверки: «а отпись была ему дана по новым книгам, и та у них отпись взята, да дана им по старым книгам отпись по сем»³⁴. Вероятно, то же происхождение имеют две однотипные приписки на поле рукописи — напротив поместья, где примечик отметил наличие льготных обеж, о получении («взято» и «донято») стандартных платежей со льготных обеж³⁵. В обоих случаях дополнительный платеж вносился не тем лицом, кто вносил платеж основной. Проверка могла выявить и случаи

²¹ Там же. С. 346, 468.

²² Там же. С. 356.

²³ Там же. С. 384 (дважды).

²⁴ Там же. С. 437.

²⁵ Там же. С. 405.

²⁶ Там же. С. 403, 470 (дважды).

²⁷ Там же. С. 482.

²⁸ Там же. С. 357.

²⁹ Там же. С. 403.

³⁰ Там же. С. 460.

³¹ Описание одной половины Деревской пятины, письма Г. Я. Морозова конца 1530-х годов, только в виде фрагментов «перечня» и сохранилось.

³² ПКНЗ. Т. 4. С. 357.

³³ Там же. С. 422.

³⁴ Там же. С. 499.

³⁵ Там же. С. 406, 487. В первом случае указано, что льгота получена по грамоте писца Ивана Андреевича Рябчикова.

ошибочных данных в шаблоне платежницы: запись о передаче Спасскому монастырю одной обжи в Коломенском погосте была зачеркнута, а на поле листа появилась запись приметчика, дезавуирующая зачеркнутый текст: «Писано безлеп (то есть ошибочно, безосновательно. — М. Б., А. Ф.), стоит вместе в Игнатъеве боярщине Лопухина и приметные дети взяты вместе»³⁶.

Сопоставление нескольких разновременных платежниц и данных из архивов новгородских монастырей выявляет процесс постепенного увеличения «примета» на протяжении XVI в. Наказ о сборе ямских и приметных денег 1556 г. показывает, что сбор этих налогов производился по единым для всех новгородских пятин расценкам («с Новагорода, с посаду, и со всех с пяти пятин и станов и с волостей с Ноугородцких и с пригородцких»), что позволяет достаточно точно восстановить общую картину³⁷.

Уже упоминался факт сбора «примета» в платежной книге Бежецкой пятины. Ивашка Овсев заплатил за «примет» 3 деньги (новгородских)³⁸. Судя по расположению этой пометы, платеж был совершен за 2 обжи, то есть на одну обжу выходило всего 1,5 деньги.

Писцовое описание конца 1530-х — начала 1540-х годов ориентировалось еще на «наугородское число», хотя актовые материалы свидетельствуют о широком распространении в это время московского счета³⁹. «Новгородское число» использовано и в платежнице 1543 г. На одну соху (3 обжи), вне зависимости от ее владельческой принадлежности, приходилось 2 гривны и 3 деньги, а на одну обжу — 10,33 новгородских деньги. Реальные суммы сбора колебались от 10,3 до 10,5 деньги с обжи.

Уже в 1550-е годы «примет» стал собираться вместе с ямскими деньгами, причем уже в соответствии с «московским числом». В 1556 г. предписывалось «на нынешней 64 год... собрати ямских и приметных денег, с сохи (московской в 30 обиж. — М. Б., А. Ф.) по полуосма рубля» — по 50 денег московских (или 25 новгородских)⁴⁰. Повышенные ставки этого сбора, вероятно, были вызваны возросшими расходами на начавшуюся шведскую кампанию.

Платежница Деревской пятины 1558 г. демонстрирует близкие нормы, хотя и ориентировалась на устаревшие данные «новгородского числа». В отличие от принятых в московской практике алтынов в ней фигурировали гривны и четвертцы⁴¹. В большинстве случаев с каждой обжи в пересчете на «московское число» уплачивались «примет» и ямские в размере от 48,8 до 48,9 деньги⁴². Трудно определить величину «ямских». В соседних каргопольских и двинских землях в 1556 и 1559 г. «ямские» собирались из расчета 12 московских денег на одну обжу. Куростровские столбцы о «разруб» 1547 г. демонстрируют устойчивость этой цифры⁴³.

К этому времени взимание «примета» приобрело уже регулярный характер. Можно предположить, что «примет» и ямские деньги, как и другие сборы, взимались раз в 2 года. Именно такой порядок был отражен в отписи дьяков 1559 г. о сборе дани и оброков с Каргопольского и Турчасовского уездов: «и взяли дьяки на нынешней шестидесят седмой год и

---

³⁶ Там же. С. 351.

³⁷ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — ДАИ). СПб., 1846. Т. 1. № 94. С. 146.

³⁸ ПКНЗ. Т. 1. С. 231.

³⁹ Интересно отметить, что добавочные сборы в Водской пятине составляли на обжу по 4 московки. В одном случае упоминалась гривна, но имелась в виду московская гривна, равная 20 деньгам (Писцовая книга Вотской пятины 1539 года. С. 299). На придаточные обжи в волостях Стерж и Велила Деревской пятины накладывался платеж в 1 алтын, в московских единицах измерения, свойственных более поздним писцовым описаниям.

⁴⁰ ДАИ. Т. 1. № 94. С. 146.

⁴¹ Только один раз встречается в ней упоминание «полтины московской» при описании поместья Руготиных, перешедшего в 1553/1554 г. в царское ведение (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17151).

⁴² В ней упоминались также неизвестные ранее сборы «за пососные люди», «за немецкую службу» и за «татарские дворы».

⁴³ Акты социально-экономической истории Севера России конца XV — XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479—1571 гг. (далее — АСЭИСР). Л., 1988. № 211. С. 127, № 242. С. 150—159; Куростровские столбцы XVI в. // Материалы по истории европейского севера СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 401, 402; Сборник грамот коллегии экономии. СПб.—Л., 1922. Т. 1. № 138. С. 137.

на шездесят шестой год». Действие того же правила обнаруживаем и в платежной книге 1543 г. В тексте, который касается волости Воложно, окладчик оговаривается, что оброк и примет уплачиваются на Рождество Христово⁴⁴. В другом месте рукой приметчика определена судьба рыболовного кола в Устьянском погосте: «А вперед лета 7052 сесь кол дьяки отдали в оброк игумену Александру»⁴⁵. Следовательно, имеющаяся в нашем распоряжении рукопись должна была фигурировать как книга 7052 г. Но предыдущим годом сбора был 7050 г. — только в этом случае имеет смысл запись приметчика на поле рукописи напротив текста о землях великого князя в Рютинском погосте, где некоторые сохи были живущими (и они платили), а некоторые пустыми («а с пустых не взято»): «В 50-м году имано столка ж»⁴⁶.

Уникален текст по поместью князя Дмитрия Приимкова в Городенском погосте (всего 46,5 и 1/3 обжи). Окладчик привел данные о льготах, которые были предоставлены на 16,5 обжи (5,5 сохи) поместья (вероятно, писцом), а затем — данные о сокращении вдвое сроков льгот по указу великого князя. Получилось, что для 10,5 обжи льгота заканчивалась в 1547/48 г., для 1 обжи — в 1546/47 г., для 2 обеж — в 1544/45 г. С трудностями окладчик столкнулся при расчете срока для последних трех обеж: трехлетняя льгота, сокращенная указом до 1,5 года, истекала в 1542/43 (7051) г. Будучи не уверен в том, какой год нужно указать, он оставил после цифр «70» свободное место. Цифры «51», как и дальнейший текст о собранных деньгах, записаны приметчиком. Последний, однако, «живущими» назвал не 30 с третью обеж (как должно быть за вычетом всех льготных обеж), а 31,5 с третью, чему соответствует и денежная сумма, взятая с поместья⁴⁷. Это означает, что с трех обеж, вышедших из льготы в 1542/43 г., была заплачена только половина нормы, что имеет смысл при двухлетнем цикле сбора⁴⁸. Аналогичный случай, менее подробно описанный, находим в Ситенском погосте: «да тое жо княжщины, что Федору Ивкову писцы отдали, 7 обеж во лоте, и с тех со лотных взято полавина примету 2 гривны 3 д., да за хлеб и за оброк шесть денег. Платил Федор»⁴⁹.

В разных частях Русского государства «примет» оценивался по разным ставкам. В 1558 г. с пинежских волостей предписывалось собирать «приметных денег по полуполтине с сохи (московской. — М. Б., А. Ф.)». Та же сумма взималась с населения Каргопольского и Турчасовского уездов. Очевидно, что этот сбор имел вспомогательный характер. Сотная 1556 г. Каргопольского уезда не называет приметные деньги, хотя все остальные перечисляемые в 1559 г. виды сборов указывались в таком же порядке. В том же 1559 г. приметные деньги сообразно их незначительности фигурировали в списке на последнем месте, после ямчужных денег⁵⁰.

В самом же Новгороде в начале 1560-х годов произошел резкий рост размеров «примета» и ямских денег. В 1561 г. очередной царский указ предписывал собирать с московской сохи по 13 рублей и 22 алтына⁵¹. На одну обжу, таким образом, приходилась уже 91 московка. Этот рост логично увязать с переходом начавшейся несколько лет назад Ливонской войны на новую ступень развития.

Поднявшись до этой планки, ставка сбора ямских и приметных денег в дальнейшем уже не опускалась. В 1569/1570 г. по «недоборным книгам» владения Вяжищского монастыря

⁴⁴ ПКНЗ. Т. 4. С. 470.

⁴⁵ Там же. С. 483.

⁴⁶ Там же. С. 379.

⁴⁷ Там же. С. 370.

⁴⁸ Интересно, что лист, на котором помещен данный текст, является заменой в уже используемой рукописи — филигрань бумаги, чернила и почерк окладчика отличаются от таковых на остальных листах тетради. При этом «окладная» часть написана более плотно, а «приметная» более размашисто, как и обычно. Значит, замена имела место после завершения изготовления шаблона, но до заполнения его данными о примете.

⁴⁹ ПКНЗ. Т. 4. С. 396.

⁵⁰ АСЭИРС. № 211. С. 127–128, № 242. С. 150–159; Куростровские столбцы. С. 404–406.

⁵¹ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. М., 1905. Т. 1. Ч. 2. С. 193. В тексте документа цифра сбора была обозначена дважды: как 30 и как 13 рублей и 22 алтына. Последний вариант кажется более обоснованным.

выплачивали примерно 101,4 московских деньги с обжи, а в 1571 г. — 100,3. В 1571 г. с обонезских владений Соловецкого монастыря уплачивалось по 101,2 деньги с обжи⁵². Платежная книга Водской пятины начала 1570-х годов упоминает о сборе одного «примета» без ямского в размере 101,5 деньги с обжи⁵³.

Особенностью «примета» в сравнении с другими видами сборов была непропорционально жесткая ответственность за его уплату, что, вероятно, было обусловлено существенным объемом средств, приходившихся на него при общей раскладке возникших задолженностей.

Платежная книга Деревской пятины 1543 г. знает много случаев конфискации поместных земель в «приметных деньгах». О большинстве из них было известно еще при создании шаблона, но некоторые стали прямым следствием кампании по сбору примета 1543/44 г. — о последних сообщает уже приметчик⁵⁴. Однако правительство было заинтересовано в возвращении владельцев на землю. Упомянутая выше великокняжеская грамота, привезенная в августе 1543 г. Офоней Остафьевым новгородским дьяком, была выдана на часть поместья его отца, разделенного прежде между Офоней и его братом, а затем отписанного в приметных деньгах. Грамота освобождала его от платежей за прежние годы с той части отцовского поместья, которая досталась сначала его брату, а потом была отписана писцом А. Уляниным (он работал на рубеже 1530—1540-х годов) и передана Плуту Башеву. Приметчик сделал запись об уплате Офоней платежей с обож, не освобожденных льготной грамотой писца⁵⁵.

В четырех случаях рукопись сохранила два вида помет, одна из которых, сообщающая о пустоте, отражает, вероятно, ситуацию на момент создания шаблона платежницы, а вторая, о льготе, сделана приметчиком⁵⁶. Сходным образом объясняются записи, в которых окладчик констатировал факт отписки в приметных деньгах, а приметчик — уплату примета и других платежей⁵⁷. В одном случае сообщение окладчика об отписке оказалось перечеркнуто⁵⁸.

Как видно, конфискации поместий в «приметных деньгах» не имели окончательного характера. Интересен пример братьев Марининых и Соболевых Литвиновых. Согласно платежнице 1543 г., их поместья были отписаны. В начале 1550-х годов в приправочной книге Деревской пятины они, однако, числились среди живущих помещиков. Их поместья находились в весьма плачевном состоянии. У Марининых из 26 обож 23 были «пусты», а у Литвиновых — 12 из 16, «пашут сами». Нести службу и выплачивать государственные сборы с таких поместий было невозможно, что привело к закономерным последствиям. Маринины потеряли свои земли в 1550/51 г.

У Литвиновых, согласно платежнице 1558 г., поместье было взято «в прежних казанских нетех, и в приметных деньгах и в ливонских немцех». Вскоре, однако, это поместье было возвращено им обратно с важным послаблением: «приметных денег прошлых лет царь государь пожаловал, имати на них не велел»⁵⁹. В 1550-е годы конфискации подверглись также земли Неклюда Базина «в приметных денгах» и С. М. Выповского «в приметных денгах и в государеве опале в казанской службе»⁶⁰.

---

⁵² Акты новгородского Вяжищского монастыря конца XV — начала XVII в. // Материалы по истории Новгорода и Новгородской земли. М., 2013. Вып. 2. № 21—22. С. 34—35; АСЭИСР. № 364. С. 227.

⁵³ См., например, опись поместья князя И. И. Буйносова, где числилась 1 обжа (Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Т. 2. Ч. 2. С. 347).

⁵⁴ ПКНЗ. Т. 4. С. 359 (дважды, из них один случай, земли Тимохи Кулешина, в публикации источника пропущен), 490, 492. Таким ситуациям могло предшествовать предоставление на землю льготы, отраженное окладчиком (Там же. С. 359).

⁵⁵ Там же. С. 490—491.

⁵⁶ Там же. С. 363, 392, 393, 428.

⁵⁷ Там же. С. 354, 392, 474 (дважды).

⁵⁸ Там же. С. 373.

⁵⁹ Там же. С. 372, 377, 491; ПКНЗ. М., 2004. Т. 5. С. 169—170, 221; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17151. Л. 216.

⁶⁰ ПКНЗ. Т. 5. С. 315, 322; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17151. Л. 195, 216.

Конфискация поместий производилась в связи с существовавшей обязанностью помещиков заботиться о состоянии вверенных им крестьянских хозяйств. Уже в первых поместных грамотах, выданных новгородским помещикам, было обозначено требование: «чтобы великих князей дань и посошная служба не залегла; а доспеют пусто... платити самим, а от великих князей быти им в том в опале»⁶¹. Крестьяне и помещики, таким образом, оказывались зависимы друг от друга при необходимости уплаты «государевых податей». Первые должны были платить их, чтобы избежать «продаж», вторые — чтобы сохранить за собой поместья.

Несмотря на относительную стабильность хлебных цен, обежная дань к концу 1530-х годов выросла вдвое [Аграрная история, с. 22–24]. К ней добавлялись ямские, приметные и ямчужные деньги, а также ряд мелких сборов экстраординарного характера (например, полоняничные деньги). Писцовые книги пестрят упоминаниями о заброшенных от тягла, «что деи описью писано дорого», участках. При отсутствии у крестьян нужных средств, что не было редкостью из-за голода, мора и других коллизий, землевладельцы должны были выступать в качестве плательщиков, превращаясь тем самым в фискальных агентов центрального правительства⁶².

Льготная грамота 1550 г. на участки в Бежецкой пятине, выданная Василию и Ратману Спешневым, прямо предусматривала обязанность помещика выплачивать оброк при отсутствии на них крестьян из своих собственных средств: «А будет на те на которые пустоши и на селища в те лета не поредетца у них кресьяне, и Василею да Ратману с тех пустошей и з селищ после лготы давати царя и великого князя оброку з году на год с обжи по гривне»⁶³.

При отсутствии льготных грамот сбор производился со всех зафиксированных за тем или иным землевладельцем обож⁶⁴. В поместье И. И. Понафидина уже в конце 1530-х годов были запущены 2 обжи. Согласно платежнице 1543 г., он платил сборы со всех своих 20 обож. Та же ситуация была у В. А. Беклемишева. С его поместья оплата шла с 14 обож, хотя 3 обжи были пусты⁶⁵. В поместье братьев Борисовых Стоговых были запущены 4 обжи, а в соответствии с приправочной книгой 1550/1551 г. в поместье И. П. Племянникова полбжи запустели еще 30 лет назад⁶⁶.

Подобные расхождения между «книгами» и фактическим состоянием земель не были редкостью. Указная грамота новгородским дьякам 1555 г. описывала ситуацию в поместье З. Некрасова Долгорукова: «полодиннатцаты обжы вся пуста, а залегли деи на них две дани. И вы деи на нем тех даней правите»⁶⁷.

В 1550-е годы количество и общая сумма сборов выросли. Сопоставление данных платежницы 1558 г. и приправочной книги 1550/1551 г. показывает, что крестьянам из помещичьих хозяйств приходилось прикладывать значительные усилия, чтобы собрать причитающиеся суммы. Не удивительно, что многие помещики старались перевести в денежное выражение получаемый ими с крестьян хлеб [Аграрная история, с. 289].

Сбор «примета», ямских денег и других государственных податей сталкивался с очевидными трудностями. Переписка новгородских дьяков с центральным правительством в 1556 г. упоминает

⁶¹ АСЗ. М., 2008. Т. 4. № 293. С. 219–220.

⁶² В 1563 г. помещик Бежецкой пятины Русин Дурасов платил со своего поместья и с поместья своего брата «дань и ямские денги и всякие подати» и требовал по этому поводу произвести размежевание земель.

⁶³ ПКНЗ. М., 2001. Т. 3. С. 45. Близкая ситуация в центре страны была отражена в льготной грамоте И. В. Шереметеву 1567 г.: «А не велит ставити Иван Васильевич на пусе дворов, и кресьян не назовет, и пашни не распашет, и наши ямские и приметные деньги и за городовое дело и за засечные деньги и за ямчужное дело взяти на Иване и на прошлые льготные годы» (РИБ. СПб., 1875. Т. 2. № 37. С. 44).

⁶⁴ По наблюдениям Г. В. Абрамовича, из 338,5 запустевших обжи льготы были выданы только на 268 [Аграрная история, с. 41].

⁶⁵ ПКНЗ. Т. 4. С. 225, 271–272, 473, 477.

⁶⁶ Там же. С. 290; ПКНЗ. Т. 5. С. 225.

⁶⁷ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Кол. 2. Кн. 23. Л. 257 об.—258. Подобная ситуация была зафиксирована в 1558 г. в Костромском уезде, где помещик Митка Кезомин жаловался на сборщиков, которые «правили» с его запустевшего поместья ямские и приметные деньги «по сошному писму сполна» (Акты, относящиеся к истории тяглаго населения в Московском государстве. Юрьев, 1897. Вып. 2. № 18. С. 14–15).

недоборы предыдущих лет, начиная с 7060 (1551/1552) г. Гневный тон грамоты и угрозы опалы при задержке отправки собранных денег («вам от меня царя и великого князя быти в великой опале и в продаже») показывают, что процесс находился под угрозой срыва⁶⁸.

Слабая защищенность помещичьих хозяйств от периодически возникающих эпидемий, неурожаев, военных действий и близости «больших» дорог, усугубляемая внутрисемейными раздорами и необходимостью поддерживать на должном уровне боевое снаряжение для нескольких служилых людей — самого помещика, его неотделенных взрослых сыновей и боевых холопов, не способствовала аккумулярованию нужных сумм для оплаты экстраординарных сборов.

Платежница Деревской пятины 1543 г. в этом отношении дает уникальный срез взаимодействия помещиков, их окружения (родственников, соседей, «людей»), крестьян и подьячих новгородской администрации в объединении усилий по уплате «примета». Особенностью этого источника является указание на лиц, осуществлявших платежи. При анализе состава этих плательщиков необходимо учитывать произошедшие за несколько десятков лет изменения: переходы поместий из рук в руки, их раздробление и передачу по частям в виде «придач», а также возможное возвращение в состав оброчных земель. Часто имена плательщиков расходятся, и существенно, с номинальными владельцами тех или иных поместий. Тем не менее, несмотря на определенные трудности идентификации, за счет сопоставления материалов нескольких писцовых описаний и, в меньшей степени, делопроизводственных документов новгородских дьяков удается восстановить контуры общей картины.

Самое деятельное участие в этом процессе принимали новгородские подьячие И. Ярой (230 упоминаний), Третьяк Добрынин (23 упоминания), Г. Связев (24 упоминания). Интересно отметить, что сам И. Ярой при этом являлся помещиком той же Деревской пятины и был хорошо осведомлен о круге местных землевладельцев⁶⁹. Значительно менее активно были задействованы другие подьячие — И. Щелепин, Корташ, Нечай Федурин, Вешняк Онисимов и, возможно, Бобр Иванов (если это одно лицо с Бобром Толмачовым)⁷⁰. Именно И. Ярой, Третьяк Добрынин и Г. Связев, видимо, были ответственны за сбор денег в 1543 г. При явном количественном доминировании И. Ярого можно отметить, что Третьяк Добрынин был вовлечен в работу со своеземцами. Всего он отмечен в 10 подобных случаях, в то время как Г. Связев — лишь один раз.

Изучение почерков приметчиков в рукописи позволяет идентифицировать их с некоторыми подьячими. Наиболее узнаваемой является рука, которой сделаны почти все записи об уплате подьячим Третьяком Добрыниным (кроме одной⁷¹) и записи о платежах нескольких землевладельцев. Индивидуален и формуляр записей, сделанных этой рукой. Во-первых, если обычно упоминание о примете начиналось так: «примету пол-11 д., да за хлебной оброк 2 д.» или так: «з живущих с 2 сох примету 4 гривны и 6 д., да за хлебной оброк 12 д.» (когда на некоторые сохи действовала льгота), то интересующая нас рука (впрочем, как и еще одна) всегда писала: «**взято** (выделено нами. — М. Б., А. Ф.) примету пол-11 д., да за хлеб и за оброк 2 д.». Во-вторых, характерна манера указания имени — сначала приметчик, как правило, писал «Третьяк заплатил», что после потребовало уточнения (уже другим почерком), создавшего в результате некоторую нестройность формулировки: «Третьяк заплатил Добрынин платил», «Платил Третьяк, а с пустых не взято, Добрынин», «Платил Третьяк. Да за хлеб и за оброк 8 д. Он же платил. Добрынин», «Третьяк заплатил, Третьяк Добрынин заплатил», «Третьяк заплатил Добрынин», «Третьяк заплатил, Третьяк Добрынин», «Платил Третьяк. Да за хлеб и

---

⁶⁸ ДАИ. Т. 1. № 94. С. 146–147.

⁶⁹ ПКНЗ. Т. 4. С. 210–211.

⁷⁰ Из трех платежей И. Щелепина два приходились на земли своеземцев.

⁷¹ ПКНЗ. Т. 4. С. 440.

за оброк 2 гривны и 2 д. Он же платил, Третьяк Добрынин платил»⁷². Изложенные наблюдения с высокой степенью вероятности позволяют заключить, что сам подьячий, вносящий платежи, и делал запись в книге — по крайней мере, это было распространенной практикой.

Подьячие в значительном числе случаев сами выступали в качестве плательщиков. Они, видимо, могли непосредственно заниматься сбором денег при отсутствии в момент сбора детей боярских и своеземцев или их представителей. С конца 1542 г. большая часть новгородской корпорации («а Новгородды Великого Новагорода все городом»), в том числе, естественно, и помещики Деревской пятины, находилась на службе во Владимире, где они приняли самое деятельное участие в перевороте князей Шуйских⁷³.

Другую категорию плательщиков представляли землевладельцы, среди которых численно преобладали выходцы из семей детей боярских. С определенной условностью удастся насчитать 133 подобных имени. Среди них достаточно много было сыновей и младших родственников помещиков (племянники, младшие братья) — не менее 30 примеров, которые во время их отсутствия, очевидно, оставались на «хозяйстве».

Не менее чем в 84 случаях в качестве плательщиков выступали «люди» детей боярских. Из-за сложностей идентификации менее определенно можно говорить об участии в этом процессе помещичьих крестьян, хотя подобные примеры, безусловно, имели место. Наиболее доказательным выглядит случай с Игнатом Васильевым Полежаем, выступившим в качестве плательщика в поместье И. А. Колычева (фактически И. И. Колычева). В 1561/1562 г. дозорная книга Деревской пятины упоминает его сына — Павла Игнатьева Полежаева, ведшего свое хозяйство на землях той же семьи Колычевых⁷⁴. Очень вероятным кажется отождествление Семена Горбатого из поместья Д. Бурцова Дивова с его тезкой, упомянутым в 1556 г. в том же Михайловском погосте (правда, уже в качестве крестьянина Воскресенского монастыря)⁷⁵.

Имена и фамилии (отчества) совпадали также в случаях плательщиков 1543 г. и крестьян тех же поместий Демеха Лукина, Гаврилы Исакова, Константина Ильина, Ивана Захарова, Василия Есипова, Василия Иванова и, возможно, Ониты Амосова (Леванидко Омосов)⁷⁶. Распространенность их фамильных прозвищ (отчеств) не позволяет, однако, однозначно утверждать, что это были одни и те же лица. Тем не менее факт привлечения крестьян для уплаты сборов с поместий, в том числе и за запашку самих помещиков, кажется весьма примечательным.

Анализ персоналий плательщиков из числа детей боярских показывает, что зачастую на помощь к помещикам приходили их родственники и соседи. Среди плательщиков четырежды упоминался, например, Афанасий Михайлов Бабкин. Все его упоминания относились к Пиросскому погосту, при этом только в одном случае он платил за поместье своего отца. Интересно, что именно в этом случае запись сделана особым почерком⁷⁷, а остальные три — одним и тем же почерком и одними чернилами, отличными от первого случая⁷⁸. Не было ли это проявлением делопроизводственной этики, запрещающей подьячему записывать в книгу платеж, внесенный за собственное поместье — как в случае с поместьем Нечая Федурин⁷⁹, запись о платеже которого сделана Третьяком Добрыниным? Поместья двух других детей боярских

⁷² Там же. С. 374, 379, 386, 397, 398, 438, 447.

⁷³ ПСРЛ. СПб., 1906. Т. 13. Вторая половина. С. 439.

⁷⁴ ПКНЗ. Т. 4. С. 423; Т. 5. С. 336.

⁷⁵ ПКНЗ. Т. 4. С. 358; Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Кол. 2. Кн. 23. Л. 437 об.

⁷⁶ ПКНЗ. Т. 4. С. 157, 176, 200, 205, 206, 323, 418, 460, 461, 482, 485, 488. В начале 1560-х годов известен крестьянин князя И. Засекина Василий Есипов Тетера (ПКНЗ. Т. 5. С. 342).

⁷⁷ ПКНЗ. Т. 4. С. 391.

⁷⁸ Там же. С. 391, 392 (два случая).

⁷⁹ Там же. С. 422.

(Ф. Ф. Соловцова и В. И. Бабкина) позднее в полных объемах перешли к их детям⁸⁰. Сам А. М. Бабкин по понятным причинам отсутствовал на службе во Владимире. К этому времени он уже был житничим ключником, а позднее зарекомендовал себя в качестве дьяка и участвовал в 1545 г. в сборе ямчужных денег в Бежецкой пятине⁸¹.

Подобная ситуация имела место в Ситенском погосте. За поместье Р. Блохина Болкошина (по платежнице 1543 г.) платежи вносил Негодяй, «человек» его соседа Ф. А. Ивкова, который, очевидно, не имел права распоряжаться сбором денег в чужом поместье. Само же это поместье, уже в конце 1530-х годов принадлежавшее в полном объеме А. Р. Блохину Болкошину, оставалось за ним и в 1550-е годы⁸². Активными плательщиками в Вельевском погосте были Рюма Неклюдов Шалимов и его «человек» Кудаш (6 упоминаний). Сам Рюма имел основания отсутствовать на службе, выполняя функции городского приказчика в Порхове [Носов, с. 362]. Помимо собственного поместья они платили за поместья трех князей Оболенских и за поместье брата Рюмы Мити Неклюдова. При отрывочности данных писцовых описаний Вельевского погоста очевидно, что по крайней мере в одном из этих случаев платеж осуществлялся за действующего помещика. В конце 1530-х годов поместье князя М. К. Оболенского, упомянутого в платежнице, принадлежало троим его сыновьям — Федору, Андрею и Василию⁸³. За брата Ивана совершил платеж И. С. Всеславин. Он оказал эту услугу также трем соседям по Жабенскому погосту.

Ляпун Мякинин отметил себя как плательщик за поместье своего отца, а также за земли Ф. Н. Ракитина Вольнского, соседа по Великопорожскому погосту. Ф. Н. Вольнский с братом сохраняли за собой эти земли в начале 1550-х годов⁸⁴.

Помещик Бежецкой пятины (погост Волок Дершков) Гневаш Дубровский трижды платил за Я. П. Руготина и его братьев (за 3 части поместья — погосты Боровичский, Пиросский и Язвицкий). Сам же Я. П. Руготин с братом и племянником продолжали владеть отцовским поместьем в начале 50-х годов XVI в.⁸⁵

Оленин «человек» Степан находился, видимо, на службе у Елены Ильиной жены Таракановой, представительницы влиятельнейшей купеческой фамилии, получившей поместья в Деревской пятине «противу их земель московских». Помимо земель Таракановых в Тюхольском погосте он осуществил платеж за братьев Т. и И. И. Большого Ватутиных, помещиков Сытинского погоста, где также располагались земли Таракановых. Очевидно, что в этом случае речь не могла идти о придачах Таракановым за счет земель детей боярских, тем более что в конце 1530-х И. И. Большой Ватутин был отмечен среди живущих помещиков⁸⁶.

Можно заметить, что все перечисленные примеры (включая Гневаша Дубровского) имели отношение только к ближайшим соседям, зачастую родственникам помещиков. Более отдаленные связи внутри субкорпорации детей боярских Деревской пятины в это время, скорее всего, не получили здесь своего отражения.

Несколько раз одни и те же лица, не из числа детей боярских, были плательщиками в разных, как правило, смежных поместьях. Среди них — В. Рогозов, А. Фролов, И. Никонов, Л. Игнатьев, К. Филиппов, И. Матвеев. Исходя из имеющихся данных, не удастся, к сожалению, определить их социальный статус (они могли быть приказчиками помещиков или крестьянами), но, очевидно, что и в этих случаях шла речь о помощи (кооперации), оказываемой соседям-землевладельцам в уплате государевых сборов.

---

⁸⁰ Там же. С. 391, 392; ПКНЗ. Т. 5. С. 180–182.

⁸¹ НПК. СПб., 1886. Т. 4. Стб. 560; ААЭ. Т. 1. С. 185.

⁸² ПКНЗ. Т. 4. С. 125, 395; Т. 5. С. 145.

⁸³ ПКНЗ. Т. 4. С. 131, 362–365.

⁸⁴ Там же. С. 383–384; ПКНЗ. Т. 5. С. 45–46.

⁸⁵ НПК. СПб., 1910. Т. 6. Стб. 442, 980–981; ПКНЗ. Т. 4. С. 387, 390, 452; Т. 5. С. 29.

⁸⁶ Елена Тараканова в 1539 г. построила церковь в Новгороде у «святого Николы в Воротниках» (ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 303); ПКНЗ. Т. 4. С. 222, 223, 420, 464.

В. Рогозов был плательщиком в поместьях Гордеевых и Ф. Бункова. Оба эти участка когда-то принадлежали В. Есипову. Сохранилось описание поместья Зани и В. Ф. Гордеевых 1550/1551 г. Отмеченные три обжи полностью перешли в их ведение. Придач в этом поместье отмечено не было⁸⁷. Такая же ситуация сложилась впоследствии с участками, где плательщиком выступал А. Фролов (поместья И. Г. Каменского, Г. и К. Ватазиных, Д. Г. Филимонова — Русалкина племянника). Поместье И. Г. Каменского в начале 1550-х годов принадлежало уже его родственнику Молчану Каменскому и насчитывало те же 21 обжу⁸⁸.

И. Никонов оплачивал сборы за Истому П. Бакакина и Я. Л. Трепарева. Истома упоминался в приправочной книге 1550/1551 г., где он являлся владельцем того же поместья размером в 21 обжу. В случае с Л. Игнатьевым, внесшим платеж за Истому Бурцева и И. П. Племянникова, без изменений осталось поместье сына последнего, насчитывавшее те же 13 обож⁸⁹.

К. Филиппов платил за земли братьев Захаровых Симоновых и за участок, принадлежавший А. и Поздяку И. Косаговским. Последний участок перешел позднее к А. Жеребцову, в то время как поместье Симоновых, хотя и выросло благодаря придачам, но за счет других бывших владельцев. В случае с И. Матвеевым оба «подопечных» ему поместья — Б. М. Стогова (в действительности уже его сыновей) и И. К. Мельницкого — сохранили свои размеры к началу 1550-х годов⁹⁰.

Сличение почерков и чернил, которыми приметчик делал записи в разных абзацах об уплате одним и тем же лицом (но не подьячим, а родственником или соседом владельца), свидетельствует, что платежи часто вносились этим лицом сразу за несколько «подопечных владений». Так, одним почерком и теми же чернилами записаны три платежа Кудаша — «человека» Рюмы Неклюдова Шалимова, и самого Рюмы⁹¹, хотя вторая запись о Рюме сделана явно другими чернилами и, возможно, все тем же почерком⁹². Такое же однообразие находим в записях о платежах И. С. Всеславина⁹³, Ляпуна Мякинина⁹⁴, Гневаша Дубровского⁹⁵, Васюка Рогозова⁹⁶, Клементия Филиппова⁹⁷. С меньшей уверенностью то же можно сказать о платежах Оленина «человека» Степана⁹⁸, Иванки Никонова⁹⁹, Игнатки Матвеева¹⁰⁰. Из просмотренных таким образом записей только для Аверкия Фролова можно говорить об исполнении записей в трех случаях двумя или тремя разными почерками¹⁰¹.

В кооперации усилий соседей, представителей разных социальных слоев перед лицом всеобщего бедствия, которым им должны были представляться государевы сборы, не было чего-то из ряда вон выходящего. Позднее, в середине 1550-х годов, при проведении земской реформы выборные старосты, которые отвечали за сбор податей, избирались как из детей боярских, так и из числа крестьян: «выбрали из пятин по сыну по боярскому, по доброму, да из пятин же выбрали человека по три и по четыре лутчих людей» [Аракчеев, с. 239-240].

Взаимовыручка была следствием коллективной ответственности, проявлявшейся как в приведенных выше случаях финансовой помощи, так и при поручительстве за тех или иных лиц.

⁸⁷ ПКНЗ. Т. 4. С. 354, 355; Т. 5. С. 285–286.

⁸⁸ ПКНЗ. Т. 4. С. 351, 353, 359; Т. 5. С. 250.

⁸⁹ ПКНЗ. Т. 4. С. 351, 385; Т. 5. С. 225, 253.

⁹⁰ ПКНЗ. Т. 4. С. 400, 401, 430, 433; Т. 5. С. 183, 211, 308, 310.

⁹¹ ПКНЗ. Т. 4. С. 362, 364, 365.

⁹² Там же. С. 367.

⁹³ Там же. С. 405, 406.

⁹⁴ Там же. С. 372, 384.

⁹⁵ Там же. С. 387, 390, 453.

⁹⁶ Там же. С. 354, 355.

⁹⁷ Там же. С. 430, 433.

⁹⁸ Там же. С. 420, 464.

⁹⁹ Там же. С. 351 (дважды).

¹⁰⁰ Там же. С. 400, 401.

¹⁰¹ Там же. С. 351, 353, 359.

Известны примеры поручительства детей боярских за крестьян, бравших на освоение запущенные оброчные участки земли. В Бежецкой пятине в 1550-е годы Гневаш Обирков Спешнев поручился за Ивашку Попова, а Семьянин Артемьев за Федку Леонова¹⁰². В продолжение этого сюжета в 1569 г. крестьяне сына боярского Шелонской пятины А. А. Курицына встали «порукою» за своего помещика в освоении последним приданных ему пустошей. В случае же, если он «крестьян не назовет, или вперед запустошит, ино на тех поручниках пеня... и за льготные лета с тех обеж ямские и приметные деньги и всякие государевы подати по книгам»¹⁰³.

Широкий спектр взаимных отношений и обязательств за пределами социального круга, в основе которого лежали поземельные связи, проявлялся и в других видах поручительства. Поручителями по сыне боярском Ратмане Белом в 1555 г. были, в частности, кобылицкие ямщики Ушачко Григорьев и Иванко Панкратов. Среди поручителей в службе по сыне боярском И. Посникове Кузьминском и сытнике А. Л. Осокине («живет в Великом Новгороде») в том же году был среди прочих «Тимофей Семенов сын ноугородец с Варецкие улицы»¹⁰⁴.

Отмеченные примеры свидетельствуют о невысоком уровне развития социальных перегородок в Новгородской земле, а также о наличии у представителей «податных сословий» определенных финансовых излишков. При возрастании налогового бремени и массовом разорении опричного и послеопричного времени возможности для такой кооперации в последующие десятилетия были значительно ограничены.

Внутрикорпоративные же связи среди детей боярских, с другой стороны, должны были существенно возрасти после появления окладчиков и введения практики обязательной поруки по службе внутри каждого служилого города.

В отличие от крестьян у детей боярских существовал значимый ресурс для восполнения финансовых потерь. При наличии фиксированных сумм обежной дани и необходимости платить экстраординарные сборы значительно повышалось в глазах помещиков значение денежного жалованья. Упоминания о раздачах денежного жалованья для первой половины XVI в. единичны и разрозненны, хотя создают общее впечатление распространенности и заурядности этой процедуры. С. Герберштейн в «Записках о Московии» дважды упоминает о раздаче жалованья «сыновьям бояр». По его наблюдениям, они получали каждый третий год по 6 золотых (рублей?) [Курбатов, с. 239–240]¹⁰⁵. В деле муромских детей боярских 1523/1524 г. упоминается факт раздачи им жалованья дьяками Ушаком и Переславцем. В 1535 г. перед походом в Литовскую землю было выплачено «великое жалованье». В 1543 г. в посольских книгах встречаются нижегородские дети боярские, которые «лежат на Москве за жалованием»¹⁰⁶. К денежному жалованью была привязана статья Судебника 1550 г. о бесчестье: «сколко которой жалованья имал, то ему и бесчестие». На собственно новгородском материале такого рода свидетельства относятся только к началу 1550-х годов («службу государеву служит и денежное жалование государева имал») и, видимо, обретают к этому времени регулярный характер¹⁰⁷.

Конфискации поместий в «приметных деньгах» и в казанской (ливонской) службе, упоминаемые в писцовых и платежных книгах, могли быть взаимосвязаны и не случайно фигурировали вместе. Не являясь на службу и, соответственно, не получая причитающегося им

---

¹⁰² ПКНЗ. Т. 3. С. 45.

¹⁰³ АСЗ. Т. 4. № 253. С. 189.

¹⁰⁴ ДАИ. Т. 1. № 58. С. 78–79; Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Кол. 2. Кн. 23. Л.162 об. –163 об.

¹⁰⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1984. С. 73, 113.

¹⁰⁶ АСЗ. Т. 4. № 502. С. 387–388; Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М., 2002. Т. 6. Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. № 55. С. 136; Сборник русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. С. 239.

¹⁰⁷ ПКНЗ. Т. 5. С. 148.

денежного жалованья, дети боярские, особенно в разоренных поместьях, не имели возможности создать для себя резерв для уплаты различных государственных обязательных сборов.

Получаемые же в счет жалованья суммы способны были компенсировать сборы с того или иного поместья. Владелец чрезвычайно запущенного поместья С. Я. Пестриков, который «на службу деи иногда ходит, а иногда не ходит», получал денежное жалованье в размере 6 рублей¹⁰⁸. Всего ему принадлежало 9 обож. По нормам платежницы 1558 г. он должен был выплатить за все сборы — ямские деньги, примет, «за посошные люди», «за емчужное дело», «за хлеб и оброк», «большому старосте и земским дьячком», «за неметцкую службу», «за тотарские дворы», дьячие пошрины — при отсутствии у него льгот на пустые обжи (что маловероятно) примерно 666 денег — чуть более половины своего жалованья, то есть был в состоянии продлить свое существование в качестве помещика. В соответствии с Уложением о службе 1556 г. более значительными были поступления детей боярских, несших постоянную службу. Князь И. Д. Щепин Ростовский владел поместьем в 30 обож, из которых 12 были «пусты с поветрея». В 1556 г. ему было выдано 12 рублей жалованья, а еще 1 рубль достался за выставленных «людей»¹⁰⁹. Известна была также практика дачи денег «на подмогу».

Зависимость положения детей боярских от несения службы в этом случае значительно возрастала, а по мере «запустения» Новгородской земли ситуация становилась еще более запутанной и парадоксальной. Центральное правительство, с одной стороны, должно было проявлять известную строгость, бдительно отслеживая случаи уклонения от уплаты податей. С другой стороны, очевидное в условиях затянувшейся Ливонской войны падение числа боеспособных служилых людей приводило к необходимости поддержания их финансовой дееспособности на приемлемом уровне. Для второй половины XVI в. служба с запущенных поместий, размеры которых находились в явном противоречии с номинальными окладами, стала вполне заурядным явлением. Без ежегодного жалованья (по сути, дотации со стороны центрального правительства) такая служба была бы полностью невозможна.

Платежная книга 1543 г. показывает только начальные стадии этого процесса. Превращение «примета» в регулярную подать и его постоянное увеличение на протяжении всего столетия, тем не менее, стали существенным шагом в этом направлении, способствуя общему запустению крестьянских и помещичьих хозяйств в Новгородской земле, что, в свою очередь, меняло характер взаимоотношений служилых людей с государственной властью.

Литература

- Абрамович Г. В. Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI — первой четверти XVII в. // История СССР. 1972. № 3. С. 65—84.
- Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Л., 1974. Т. 2.
- Аракчеев В. А. Власть и «земля». Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII века. М., 2014.
- Бенцианов М. М., Лобин А. Н. К вопросу о структуре русской армии в битве при Орше // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. СПб., 2013. Вып. 2 (14). С. 155—179.
- Кашитанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967.
- Курбатов О. А. «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558—1583 гг. // Русская армия в эпоху Ивана Грозного. СПб., 2015. С. 236—295.
- Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957.
- Победимова Г. А. Платежница Деревской пятины 1558 г. // ВИД. Л., 1976. Вып. 8. С. 204—218.
- Фролов А. А. Забытое описание Новгородской земли начала XVI века // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2006. Вып. 10. С. 51—57.

¹⁰⁸ ДАИ. Т. 1. № 52. С. 110—111.

¹⁰⁹ Антонов А. В. «Боярская книга» 1556/57 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 100—101.

Фролов А. А. Структура писцовых книг Деревской пятины 40-х годов XVI в. по данным комплекса источников конца XV – середины XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 4 (30). С. 69–79.

Фролов А. А. Что такое «подлинник» писцовой книги? Заметки по источниковедению документов XVI века // Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб., 2015. Вып. 11. С. 3–31.